

ЗАКАТ РЯБИНОВОЙ ЛЮБВИ

Мухамм Кадс

Михаил Карс

**Закат рябиновой любви.
Психологический роман**

«Издательские решения»

Карс М.

Закат рябиновой любви. Психологический роман /
М. Карс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854852-9

Книга повествует о судьбе женщины, пронесшей первую и единственную, настоящую любовь через всю свою жизнь. Война не позволила ей пройти со своим любимым по жизни, но в старости, оказавшись в доме престарелых, она встретила того, кого полюбила еще тогда — в семнадцать лет. Совершенно незнакомые люди помогли главной героине прожить полноценную, но недолгую старость вместе с тем, кто не покидал ее душу на протяжении всей ее сложной жизни. С тем, кто был настоящим отцом ее погибшей дочери.

ISBN 978-5-44-854852-9

© Карс М.
© Издательские решения

Закат рябиновой любви

Психологический роман

Михаил Карс

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора или издательства. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Иллюстратор Марина Шатуленко

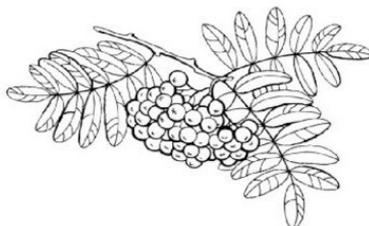
Корректор Евгения Белянина

© Михаил Карс, 2017

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4852-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воздух был пропитан осенними запахами. Погода на удивление стояла солнечная и, самое главное, сухая. Осень в этот год выдалась красочная. В лесопарке на лавочке сидела женщина. На вид ей можно было дать не более шестидесяти лет. Моложавое лицо. Морщин мало. Лишь в уголках губ букетом располагались мимические полосочки. Она сидела, вдыхая полной грудью запах хвои, доносившийся от рядом растущих елей и сосен. Блаженный вид притягивал взгляды проходящих людей, но она сидела с прикрытыми глазами, не обращая внимания на гуляющих прохожих. Ей в этом году исполнилось восемьдесят пять лет. Жизнь подходила к своему вынужденному финалу. Каждый день она проживала, как последний, наслаждаясь даже маленькими радостями. На эту лавочку она приходила, независимо от погоды, вот уже три года. Когда шел дождь, спасал старенький зонт. Но менять свои привычки она не хотела.

Сегодня была суббота. Во второй половине дня должны приехать внука с мужем. Они снимали квартиру на другом конце города. Дочь несколько лет назад покончила с собой, после того как узнала от матери, что отец был немецким солдатом, а не молодым героем-подпольщиком, погибшим от рук эсэсовцев. И все доводы, что он был антифашистом, не смогли изменить ее убеждений в том, что она проклята и является человеком, несущим в себе гены того самого фашизма, который ненавидела всей своей душой. Женщина проклинала себя

за то, что во время скандала не смогла сдержаться и открыла дочери всю правду. Именно после этого события внучка, обвинив ее во всех смертных грехах, собралась и ушла жить на съемную квартиру, где и познакомилась со своим гражданским мужем.

Сегодня ей совсем не хотелось встречаться со своими родственниками. Ровно три месяца назад Маша, внучка, предложила продать квартиру, взамен купить более дешевую, а ее поселить в дом престарелых или социальный приют, как пытались облагородить страшное название чиновники. Печалило то, что не сама она решила сделать это предложение бабушке. Это ее муж, которому всегда были нужны деньги. Альфонс, тунядец! Но Маша его любит, поэтому приходится все терпеть. Лезть в жизнь молодых ей не хотелось. Именно сегодня она должна была дать ответ.

– Как поступить? Согласиться или проявить непреклонность? – звучал, словно колокол, в голове вопрос.

Какое бы решение она ни приняла, жизнь все равно станет невыносимой. Она слышала скандалы по телевизору, в которых рассказывали, как обращаются в таких заведениях со стариками. Но, с другой стороны, если проявить непреклонность, то внучка все равно будет изводить своими скандалами, а еще хуже, ее муж может что-нибудь сделать с ней, насильственным образом. Ведь сил, чтобы давать отпор, уже никаких не осталось. Ноги еле ходят, руки трясутся и порой ничего не держат. Женщина судорожно искала ответ на вопрос: «как поступить?». И все сходилось на том, что ей придется умирать в доме престарелых. Она просталась с этим лесопарком, с деревьями, с этой тишиной. Женщина приняла решение и, поднявшись со скамейки, медленно, прихрамывая, направилась домой, чтобы дать согласие на переезд туда, откуда больше никогда не вернется. Медленно двигаясь по аллее, она предалась своим воспоминаниям.

Родилась Лидия еще до войны. Когда Левитан объявил о нападении фашистской Германии на Советский Союз, ей в этот год исполнилось пятнадцать лет. Паника и страх неопределенности, которые царили в первые месяцы войны, усложняли жизнь людей. Мужчины уходили добровольцами на фронт, а женщины оставались с детьми и продолжали жить. Если, конечно, это можно было назвать жизнью.

Лида росла подвижным и контактным ребенком. Познакомиться с чужим и незнакомым человеком для нее не составляло труда. Но после того как отец отправился на фронт, а через месяц мать получила похоронку, девочка замкнулась. Ненависть к тем фашистам, которые отобрали у нее близкого и родного человека, была безудержной. Ей хотелось душить каждого врага собственными руками. Но пока она не представляла, как это можно сделать практически.

Семья проживала в Крыму. С декабря 1941 года жизнь на полуострове резко изменилась. Теперь в родном городе Лиды хозяйничали те самые фашисты. Больше всего жители боялись тех, кто носил черную форму. Самые жестокие и бесчеловечные вояки убивали любого, кто не так как-то на них посмотрел. Город заполнили регулярные фашистские части. Многих расквартировали прямо в семьях горожан, у кого были свои собственные дома. Лида с мамой жили как раз в таком доме. После, так сказать, заселения им пришлось перебраться в свинарник. Свиной у них забрали сразу, как только фашисты вступили в их город. Поэтому деревянная постройка была свободна. Запах, который накапливался годами, сохранялся. Поэтому, когда Лида выходила из своего временного жилища, то за ней шлейфом следовал этот дух свиного навоза. Фашисты не обременяли себя культурным обращением, поэтому чаще всего Лида получала подзатыльники, если случайно оказывалась рядом с оккупантом. Тот затыкал нос и со словами, которые потом понимать стали все, пинал девочку, указывая пальцем в противоположную сторону от себя. Лида, прикрывая рот ладо-

нями, чтобы этот самодовольный фриц не услышал ее вырывающиеся от обиды рыдания, бежала сломя голову в ту сторону, куда показывал фашист.

И вот однажды к ним в дом подселили молоденького солдата. По возрасту казалось, он мало чем отличался от самой Лиды. Складывалось ощущение, что они ровесники. Но он уже воевал, а Лида тайком бегала к своей учительнице, чтобы хоть как-то продолжать обучение. Карл, так звали этого солдата, стал часто бросать откровенные взгляды на Лиду. Поначалу девочка не понимала, что хочет от нее этот молодой парень в противной, болотного цвета, фашистской форме. А парень, как будто случайно, всегда оказывался там, где находилась девочка. Однажды вечером Лида решила прогуляться на гору, стоящую недалеко от их дома, с которой она любила наблюдать, как солнце, словно бы утопая в море, исчезает с горизонта. Карл догнал ее почти у подножия.

– Не бойся! – проговорил он на ломаном русском языке.

– А я и не боюсь! – выпалила Лида, хотя сердце в этот момент ушло в пятки.

– Я наблюдаю за тобой уже несколько дней, и кажется, что знаю тебя всю жизнь, – произнес Карл.

Лида опешила от такого признания. Перед ней стоял фашист, которого она мечтала задушить голыми руками, но что-то не давало ей возможности возродить свою ненависть именно сейчас. Парень стоял с испуганными глазами и смотрел на девушку, явно ожидая хоть какую-нибудь реакцию. Лида продолжала молчать. Карл постоял еще несколько секунд и, развернувшись, пошел в сторону дома, в который его поселили. В дом Лиды.

Девушка боролась со своими чувствами. Приятное лицо этого фашиста вызывало у нее не ненависть, а какие-то другие чувства, которые сходились в одну точку и располагались где-то внизу живота. Она начинала понимать, что ей хочется вместо того, чтобы задушить этого Карла, оказаться просто в его объятиях. Ужас, с которым боролась Лида, при виде этого парня в военной форме и со смешным выражением лица, когда он пытался разговаривать на русском языке, странным образом куда-то отступал.

«Вот ведь какая я идиотка! – ругала себя Лида. – Эти сволочи на нас напали, а я тут в объятия попасть хочу. Получается, что я Родину предаю?!»

Эти мысли несколько прерывали полет любовной фантазии.

Спустя примерно час, на обратном пути, Лида встретила своего одноклассника и друга с самого детства. Они жили через двор друг от друга. Еще с самых малых лет родители Лиды и родители Алексея договорились, что будут попеременно сидеть с детьми. Так они подружились. Потом Алешка пошел в школу, а Лида, которая была на год младше, сидела у окна и ждала, когда друг будет возвращаться с учебы и проходить мимо ее окон...

И вот сегодня, в темноте, она заметила знакомую фигуру Алексея и побежала ему навстречу. Парень, вместо того, чтобы обрадоваться, вдруг грубо спросил:

– Тебе чего? Давай иди домой и не шляйся! Не видишь, что этих тварей все больше становится?

Лида опешила. Вглядываясь в глаза друга, она поняла, что эта встреча чем-то испугала его.

– Ты чего такой вздернутый? – спросила она. – Мог бы и поздороваться!

– Некогда мне с тобой здороваться! – ответил Алексей и стал озираться по сторонам.

– Ты натворил чего?

– С чего ты взяла?

– Да просто озираешься по сторонам! Тебе помощь не нужна?

Парень посмотрел на подругу вначале зло, а потом, задумавшись, сказал:

– Ты понимаешь, что в городе огромное количество фашистов? Надо с ними бороться!

Пока родители воюют, мы тоже должны хоть как-то их уничтожить! Они пришли на нашу землю, а мы сидим по своим норам и живем, словно бы ничего не случилось! А ведь это

наш город. Мы знаем все закоулки. Вон, если поджечь их склад с вооружением, пока думать будут, мы огородами и дворами уйти сможем. А ведь это будет наш вклад в общее дело! Или, к примеру, в вашем доме эти сволочи остановились, поджечь его, и несколько фашистов тютю... на тот свет отправятся!

Парень, глядя в глаза подруги, замолчал и пытался понять ее реакцию.

Лида смотрела на друга широко открытыми глазами. Она даже не сразу поняла, что ей предлагал Алексей.

– Чего молчишь? – спросил он.

Лида только хотела сказать, что не поняла его, как вдалеке послышался рев мотоциклов, и появились прыгающие световые круги.

– Беги домой! – быстро бросил он и помчался в сторону горы.

Лида поняла сразу, что Алешка что-то натворил, и его теперь ищут. Но она тоже в этом случае оказывалась в сложной ситуации. Ведь фашисты не разбирались, а сразу тащили всех в свои застенки, откуда большинство не возвращалось. Не зная, что натворил друг, она поняла только одно: он в беде, и она, если побежит за ним, тоже может оказаться в опасности. Поэтому животный страх победил и она, пригибаясь как можно ближе в земле, побежала домой.

– Ты чего запыхалась-то? И почему так поздно? – спросила мать, как только Лида захлопнула калитку.

– Там... там Алешку ищут! – вырвалось у нее.

– Молчи! – оборвала ее мать и, подталкивая в спину, заставила войти в их временное жилище.

– Почему Алексея ищут?

– Не знаю! – честно сказала она. – Он что-то про поджог говорил... Я не поняла!

– О Боже! – вырвалось из уст матери. – Держись от него подальше, если не хочешь сгинуть!

– Но он ведь мой друг! – удивленно глядя на мать, прошептала Лида.

– Да! Но раз его ищут, значит, либо он что-то затеял, либо уже успел совершить!

В этот момент во двор въехал мотоцикл, за рулем которого сидел Карл. Войдя в свинарник, который теперь стал домом для хозяек, он спросил:

– Ты была дома?

И посмотрел на Лиду таким взглядом, что холодок прошелся по ее худощавому телу.

– Да! – быстро ответила она.

– Точно? – переспросил немец.

– Да, точно! – вызывающе ответила Лида, отчего получила подзатыльник от матери.

Карл осмотрел сарайчик и вышел во двор.

– Почему он задает тебе такие вопросы? – со страхом во взгляде спросила мать.

– Я откуда знаю! – прошептала Лида со свойственным ей театральным возмущением. – Может, они всем такие вопросы задают?

– Ну-ка, посмотри мне в глаза! – прошипела мать. – Такие вопросы они не всем задают! Я еще раз спрашиваю, почему именно тебе?

Лида честно не знала, что ответить. Поэтому пожалала плечами и пошла на топчан. Сев на него, она взяла книгу Льва Толстого «Война и мир» и начала читать.

– Ты смотри мне... Не смей никуда ввязываться! Поняла?!

– Поняла!.. Поняла! – ответила девочка и снова уткнулась в книгу.

Ночью Лида крутилась с бока на бок. Слова Алексея наконец-то стали складываться во что-то разумное.

«Значит, он вступил в подполье!» – решила она.

Так и не сомкнув глаз, с первыми петухами, коих осталось от силы два или три на весь город, остальных фашисты давно зарубили и съели, девочка поднялась и тихо проследовала к тому месту, где встретила с Алешкой. Хоть и было еще темно, но она здесь родилась и знала все окрестности, поэтому добежать и не заблудиться для нее не составило труда. Встав лицом к горе, куда побежал ее друг, она услышала в тишине, как кто-то крадется к ней со спины. Обернувшись, она увидела Карла. Страх парализовал ее. Двинуться с места она не могла, поэтому смотрела на этого молодого красавчика, который был ее кровным врагом, и вновь ощутила мурашки внизу живота.

– Ты чего сюда побежала? – спросил Карл.

– Просто посмотреть, как солнце будет вставать, – ответила Лида, опуская глаза, чтобы не выдать свое состояние, которое явно не выражало страха перед фашистом, а наоборот, говорило о ее интересе к нему.

– Вчера подожгли склад с продовольствием, ты участвовала в этом? – спросил он, подойдя практически вплотную к девушке.

Лиде исполнилось семнадцать, и ее фигура явно интересовала этого захватчика больше, чем ответ на поставленный вопрос. Лида никак не могла точно охарактеризовать Карла. В том, что он враг, сознание не сомневалось, а вот ее отношение к нему девушку пугало.

– Нет, – честно ответила она. – К поджогу я точно не имею отношения, ведь вчера я стояла с тобой!

– Да, но потом я ушел, и спустя некоторое время загорелся склад! Ты знаешь, кто его поджог?

– Откуда? – искренне, как казалось девочке, ответила она.

– Послушай, я не желаю тебе зла, но если ты можешь сообщить, кто поджег склад, то сможешь многим здесь живущим. Просто я слышал, что СС будет ходить по домам и убивать всех, кто покажется им подозрительным.

– Но я же не подозрительная? – с испугом произнесла Лида.

– Для меня – нет! А вот для них – я не уверен!

– А что же мне делать? – растерянно спросила Лида.

– Если знаешь, кто поджег склад, то скажи! Я отведу тебя в комендатуру и смогу за тебя заступиться! Тебя не расстреляют!

Лида стояла и смотрела на этого наглого фашиста. Ей почему-то хотелось упасть в его объятия и забыть реальность. Но Карл был враг, а Алешку она знала с детства. Предать друга означало предать свою Родину.

– Нет, я не знаю! – категорично ответила она Карлу.

– Смотри! Потом я вряд ли смогу тебе помочь, если выяснится, что ты была в курсе и не создалась!

– А мне и не нужна твоя помощь! Вы пришли как захватчики! Убиваете наших людей! А я, хоть и не знаю, кто поджег ваш склад, но все равно этому рада!

Сказав последнюю фразу, Лида закусила губу. Чувство самосохранения возникло через доли секунды после произнесенных слов.

«Вот ведь дура! – подумала Лида. – Чего на рожон лезу? Промолчала бы, и все!»

Но Карл, вместо того, чтобы отреагировать на ее вызывающие слова, почему-то присел на землю!

– Не обижайся! Я проверял тебя! – вдруг произнес Карл. – Я видел, как ты встречалась с тем парнем, который поджег склад.

От этих слов у Лиды подкосились ноги, и она вынуждена была присесть рядом с этим фашистом, который вызывал у нее противоречивые чувства.

– Так сдай меня своим в комендатуру! – глядя в глаза парня, произнесла она.

- Нет! – ответил Карл и отвел глаза.
- Почему? – не ожидая такого ответа, изумилась Лида.
- Тогда я также должен с тобой идти сдаваться!
- Как это понимать?

– Просто этот твой болван поджег и побежал! А огонь, вместо того чтобы разгореться, погас на ветру. Пришлось самому повторить его поджог!

Произнеся эти слова, Карл посмотрел на Лиду испуганным взглядом. В ту же самую секунду кто-то выскочил из темноты и начал его душить. Лида сначала испугалась, потом растерялась, а когда осознала происходящее, узнала в душителе Лешку.

- Перестань! Отпусти его! – закричала девушка.
- Ты, защищаешь фашиста?! – возмутился парень.
- Отпусти! Он помог тебе! Ты, дурак недоделанный, даже не заметил, что твой огонь потух, а он его разжег!

Алексей замер и посмотрел на Лиду, но Карла не отпускал.

- Ты чего говоришь-то?
- То и говорю, что он мне только сейчас рассказал!
- Это правда? – посмотрев Карлу в глаза, спросил он.

Немец из последних сил от пережатого горла, выдавил «да!». Алексей разжал локоть и Карл вывалился из его объятий на землю.

– Ну, ты и крепкий парень! – сквозь кашель, на ломаном русском произнес Карл.

– А с вами по-другому и нельзя! – резко ответил Алексей.

– С ними нельзя, а с такими как я – можно! – откашлявшись, произнес немец.

– С какими такими... как ты? – вытаращив глаза на сидящего фашиста, удивленно спросил Лешка.

– Я антифашист! – тихо произнес Карл.

– А чего тогда за них воюешь? – спросила Лида, опередив своего друга, у которого на языке завис тот же вопрос.

– Моего отца и деда в 38-м году эсэсовцы расстреляли за коммунистические взгляды. Но я помню слова отца о том, что Гитлер – это конец для Германии. Я пытался отказаться воевать, но мне напомнили моих родственников, и было два варианта: фронт или расстрел. Пришлось выбрать фронт, потому что есть хоть мизерный шанс остаться в живых. Да и попортить жизнь, мстя по мере возможностей тем, кто расстрелял отца, тоже хочется. Я давно заметил, что ты косо на всех смотришь. Вот и решил за тобой понаблюдать. Когда понял, чем ты занимаешься, решил, что смогу тебя прикрыть... если что!

– А что, по мне так явно видно, что я что-то замышляю? – удивился Алексей.

– Очень видно, поэтому я и решил тебя прикрыть! – ответил Карл.

– А что же мне теперь делать?

– Надо все свои действия продумывать и просчитывать, а не поджигать спонтанно, чтобы, не добившись эффекта, попасть в руки гестапо! – жестко произнес Карл. – Мы здесь пробудем еще месяц. Я слышал разговор нашего оберстлейтенанта со штурмбанфюрером Херманом. Поэтому за этот месяц я смогу тебе чем-нибудь помочь, а потом... сам понимаешь. Но учти! Я человек маленький, поэтому если тебя поймут, то вытащить не смогу.

Карл замолчал и посмотрел на ребят.

– Я тебя понял! – после небольшой паузы произнес Алексей. – Что нужно, по-твоему, сделать, чтобы навредить как можно ошутимее?

– За городом есть склад с оружием! – начал размышление Карл. – Можно взорвать его. Но там серьезное охранение! Просто так не пробраться. Пароли меняются каждую полночь. Я смогу узнать пароль, но потребуется машина и взрывчатка, а это достать мне уже не под силу.

– Так у меня есть! – вскрикнул Алешка. – Мы с железорудного комбината до войны стащили несколько тротильных шашек! Я их припрятал в горе. Только сейчас про них вспомнил!

Но в ту же секунду Алексей замолчал и подозрительно посмотрел на молодого немца.

– Я же сказал, что тебя прикрываю! Не бойся, я не выдам твою тайну! Мне самому не терпится отомстить за деда и отца! Осталось достать машину!..

– Это надо тебе подумать! – указывая пальцем на Карла, произнес Алексей.

– Дай мне три дня! Иногда некоторые грузовики оставляют вне территории нашей части. Ведь вас, уж простите, никто бояться не собирается. Поэтому машина, да еще и пустая, никому, по мнению наших, не нужна. Я попробую ее угнать, но для начала надо обговорить все детали, как будем прорываться к складу и обратно.

– Я подумаю и с друзьями посоветуюсь! – произнес Алексей.

Лида посмотрела на друга с ужасом.

– Так ты не один?

– Конечно! Нас семь комсомольцев!

– А я? – удивленно спросила она.

– Ты сиди дома и никуда не суйся! Не женское это занятие! – отрезал Алексей.

– Он прав! – поддержал его Карл.

– То есть вы будете с фашистами бороться, а я дома отсиживаться? Так что ли? Не пойдет! Я тоже с вами!

Алексей и Карл переглянулись.

– Подумаю! – резко сказал Алексей и замолчал.

Группа комсомольцев-подпольщиков состояла из активистов нескольких школ, которые после оккупации фактически прекратили свою работу. Бывшие школьники пытались через военкоматы попасть на фронт, чтобы бить захватчиков. Но советские власти считали иначе и молодых мальчишек отсылали домой.

Однажды Алексей встретил своего приятеля, с которым они познакомились на крымском слёте активистов-комсомольцев. Его звали Мирон, и фамилия у него была Болтин. Его семья наполовину, по отцу, была татарской, а наполовину, по материнской линии, – русской. Поэтому имя ему давали с учетом пожелания матери. Отец парня погиб в 1942 году под Москвой.

– Привет! – радостно произнес Мирон, когда случайно увидел Алексея.

– Привет! Как дела? – не скрывая радости, подбежав к нему, поинтересовался Лешка. – Вас не эвакуировали?

– Нет! Мать в больнице работает, отказалась на Урал ехать!

– Мы тоже не поехали! Я сказал матери, что она может эвакуироваться, а я останусь и буду убивать этих гадов! Разругались в пух и прах! Бабушку отправили, а мать осталась. Чем занимаешься?

Мирон посмотрел на Алексея и, прильнув к уху, прошептал:

– Набираю подпольщиков!

Алексей, услышав эти слова, посерьезнел. И, посмотрев на приятеля, спросил:

– Многие вступили?

– Нет, пока только я один! – ответил Мирон.

– Я второй! – сразу произнес Алексей. – Ты помнишь, мы адресами на том слёте обменялись?

– Помню! – посмотрев пристально на Алексея, ответил парень.

– Давай втихаря всех обойдем! Может, еще кто примкнет к нам! Глядишь, создадим свой маленький отряд и будем портить жизнь этим сволочам! Незачем им по нашей земле безнаказанно в своих сапогах шляться!

Миرون на секунду задумался и согласился. Они решили, что завтра встретятся и посмотрят на то, у кого какие и чьи адреса сохранились.

Алексей домой не шел, он словно летел на крыльях.

– Наконец-то я смогу помочь Родине! – думал он.

Подойдя к своему дому, он увидел несколько стоящих мотоциклов. Вбежав во двор, Алексей встал как вкопанный. По двору бегали немецкие солдаты и ловили кур, которых мать специально оставила, чтобы можно было хоть как-то выживать. Лицо Алексея побагровело. Он хотел вытолкать со двора этих отвратительных, бегающих по его территории и горланящих на немецком языке тварей. Кулаки сжались, но в этот момент кто-то сзади потянул его за рубаху, и Алексей оказался внутри сарая. Оглянувшись, он увидел испуганное лицо матери.

– Лешка, не вздумай! – прошептала она.

– Но ведь они сейчас всех кур заберут! Как жить-то будем?

– Пусть забирают! А если ты попытаешься им помешать, то они, помимо кур, тебя жизни лишат! И что мне тогда делать? Так что не смей, я приказываю!

Алексей посмотрел на мать и, вспомнив разговор с Мироном, решил, что если его убьют, то он подведет приятеля.

– Ничего! Скоро они и за кур, и за коров, и за всех, кого безвинно убили, получат сполна! – стиснув зубы с ненавистью во взгляде, прошептал он.

– Ты чего это задумал? – с испугом спросила мать.

– Ничего! – резко ответил Лешка. – Просто скоро эти гады получают свое! Я уверен!

– Лешка, ты не вздумай! Я тебе запрещаю! На кого меня-то оставишь? А если тебя расстреляют?

– Ну и пусть расстреляют! Но зато я несколько этих оккупантов с собой заберу! И все! Закончим разговор! Я не могу сидеть и за твою юбку держаться! Они ходят по нашей крымской земле, как у себя дома, живут в наших домах, а мы в сараях... как скот! Пора им показать, кто здесь хозяин! Разговор окончен, и спорить со мной не смей!

Мать посмотрела на сына растерянным взглядом. Такого категоричного отпора от своего мальчика она не ожидала. Да и в душе, тайно, она поддерживала его, хотя и боялась, что он погибнет, так и не познав любовь и не продолжив свой род. Это предчувствие у нее возникло сразу после того, как он категорично отказался ехать в эвакуацию. Она все поняла и практически каждое утро прощалась с ним.

На следующий день Алексей встретился с приятелем, и они, сверив каждый свой список, решили, что обходить всех будут по отдельности, чтобы не вызывать подозрения. После чего через неделю обсудят результаты.

Спустя неделю Мирон разыскал Алексея, и они подвели неутешительные итоги. Большинство ребят эвакуировались со своими семьями. Поэтому оставшихся было немного. В общей сложности вместе с ними получилось семь человек. Но и это было уже что-то. В горе, которая была за городом, остались кельи, прорубленные жившими там когда-то монахами. Также там были многочисленные гроты с переходами, соединявшими пустоты. В детстве ребята часто играли там. Вот и теперь Алексей предложил всем встретиться около горы и найти убежище, где будет располагаться штаб юных подпольщиков. Через два дня молодые парни встретились и обсудили, как будут действовать. Все знали, что в Крыму действует настоящее подполье. Но местонахождение его узнать было невозможно. Что могли сделать сами ребята? Только незначительные диверсии в виде поджогов? Оружия у них не было, гранат тоже. Поэтому приняли решение чаще поджигать жизненно важную инфраструктуру фашистов, тогда, возможно, настоящие подпольщики их разыщут сами. В приподнятом настроении и с чувством сопричастности к великим событиям ребята расходились по домам. Договорились, что каждый будет действовать самостоятельно и каждые три дня все будут

собираться здесь, в горе. Место, которое подыскал Алексей, устроило всех. Грот был глубокий, а вход в него очень узкий, поэтому со стороны города его практически невозможно было найти. Да и если находиться рядом с горой, то не сразу сообразишь, что за небольшим выступом есть щель, протиснувшись в которую можно было попасть в пещеру, из которой шел метровый в диаметре лаз. Через него мальчишки попадали в другую пещеру, которая была полностью скрыта от чужих глаз. Место было подходящим для планирования всевозможных диверсий против захватчиков.

Вот и завтра был назначен сбор. Алексей планировал поговорить с ребятами по поводу предложения Карла. Смушала только Лида. Зная ее с детства, Лешка понимал, что не отстанет. Раз что-то решила, то так тому и быть. Поэтому надо было обсудить включение ее в группу молодых подпольщиков.

Еще раз посмотрев с подозрением на Карла, Алексей сказал:

– Имей в виду, я тебе все равно не верю! Одна твоя форма вынуждает тебя ненавидеть! Но раз ты решил нам помочь, я твою помощь принимаю! Завтра посоветуюсь с друзьями и будем решать, как нам воплотить в жизнь твою идею. Но ты должен знать: если все, что ты говоришь, всего-навсего игра, то за нас другие отомстят! И этот тезис не оспорим! Мы все равно вас победим, и каждый ответит за то зло, которое принес на нашу землю! Каждый! Ты понял?

Карл посмотрел на Алексея изучающим взглядом. Он понимал, почему этот мальчишка так говорит. Алексей ему нравился такой своей бесшабашностью. «Пока в этой стране есть такие парни, ее никому не завоевать!» – думал Карл, а вслух произнес:

– Я понимаю твое недоверие! Но и ты должен понимать, как я рискую, связываясь с вами! Случись чего, меня расстреляют первым! Поэтому я отдаю отчет в том, что сейчас делаю! Ты можешь мне не доверять, но в этом случае все будет сложнее! Поэтому, или мы вместе, или я уйду и забываю этот разговор!

Алексей не переставал смотреть на этого немца, который выдвигал ему свои требования. Он старался понять, является ли его предложение ловушкой или Карл действительно ненавидит фашистский режим и готов помочь. Не найдя верного ответа на свои сомнения, он решил отложить это до завтрашнего дня.

– Хорошо! Я дам ответ завтра вечером на этом же месте! Смотри, чтобы тебя твои же не заподозрили и не выследили!

– Не беспокойся! – ответил Карл. – Я не первый раз устраиваю диверсии! Начальство всегда списывало это на партизан-подпольщиков. Меня вряд ли заподозрят! Завтра я приду на это же место!

– Я тоже приду! – встряла Лида. – И даже не пытайтесь мне помешать!

– О тебе разговор пойдет тоже завтра! – глядя ей в глаза, произнес Алексей. – Ты сиди дома, а решение озвучит немец, когда вернется! Поняла?

Он так посмотрел на девушку, что Лида, пожившись, произнесла:

– Поняла!

– Теперь расходимся! – сказал Карл. – Нас не должны видеть вместе!

Ребята подождали еще двадцать минут, пока немец исчезнет из поля зрения, и, пригнувшись, разошлись по домам.

На следующий вечер молодые комсомольцы собрались в гроте. Алексей поведал о разговоре с немецким солдатом. Мирон напрягся и сжал кулаки. Лешка, видя такую реакцию, поспешил его успокоить.

– Я не верю ему до конца, но то, что моя попытка поджечь продовольственный склад была продублирована этим Карлом, говорит о его действительных намерениях нам помочь.

– А ты уверен, что он дублировал твои действия? – робко спросил Сергей, еще один участник подпольного движения, парень шестнадцати лет. – Не может ли быть такое, что тебе просто «напели в уши»?

– Да! – поддержал приятеля Мирон. – Может, он таким образом пытается внедриться к нам и потом всех схватить или расстрелять при удобном случае?

Алексей задумался. Он вернулся к разговору с немцем и еще раз вспомнил все его реакции. Ничего подозрительного в них он не нашел.

– Нет! – утвердительно ответил Алешка. – Он был искренен! Особенно когда рассказывал про то, как гестаповцы убили его родных! Он, как мне показалось, даже побелел от ненависти! Я уверен в том, что он не будет нас сдавать своим, а наоборот, поможет!

Ребята сидели молча. Каждый думал о своем. Алешке они верили, а вот немцу – нет. Мог Алексей ошибиться? Да, мог! Но, с другой стороны, бегать и просто поджигать все что ни попадя тоже уже было не интересно. Хотелось чего-то серьезного, более апокалиптического. А склад с боеприпасами как раз и являлся таким объектом, который нанесет серьезный урон расположенным в их городе войскам.

– Давайте рискнем! – первым проговорил Мирон.

Вторым вопросом было вступление Лиды в их движение. Мнения ребят разошлись. Половина была за то, что девчонкам нечего делать в их отряде, а другая половина согласилась с тем, что девушка может ходить по городу и, не сильно привлекая к себе внимание, узнавать разные новости. Тем более что Лида изучала в школе немецкий и неплохо понимала, о чем говорят фашисты. Решающим было слово Алексея. Хоть он был и против участия девчонок в столь важном и ответственном движении, как у них, все же, хорошо зная свою подругу, понимал – не отстанет! Поэтому сказал, что он «за». Так Лида попала в отряд молодых комсомольцев-подпольщиков.

Сигнал автомобиля вернул женщину в сегодняшний день. Пропустив поток машин, она медленно перешла дорогу. Ноги устали. Раздробленное фашистами колено болело. Впереди стояла лавочка, к которой и пошла Лидия. Присев, женщина задумалась: что же такого в своей жизни она сделала, что Бог так наказал ее к старости. Да, она полюбила того молодого немца. Да, она родила от него дочь. Но это не должно было повлиять на ее судьбу так кардинально, чтобы лишить к старости дочери и отправить доживать свой недолгий остаток жизни в дом престарелых. Она пыталась понять, что могло послужить наказанием. Вся ее жизнь была подчинена лишь одному – жить и работать на благо государства. Но, видимо, она что-то недоделала или вовсе сделала не так!

По окончании войны Лида поступила в медицинский институт в Москве. Закончила его с красным дипломом и отправилась работать обратно к себе в Крым. Долгих пятьдесят пять лет она спасала жизни людей, работая сначала хирургом, затем, после переквалификации, акушером-гинекологом. Специфика работы, конечно, изменилась, но Лида с годами практики превратилась в Лидию Сергеевну и стала заведующей отделением. Ее дар врача позволял на каком-то интуитивном уровне проводить наисложнейшие операции и вести самых сложных беременных, за которых не брались другие врачи. Она принимала такие роды, когда даже именитые специалисты не давали шансов. Молва об удивительном враче распространялась пропорционально каждому спасенному новорожденному или его матери. Вся ее жизнь была положена на алтарь своего долга. Ей всегда казалось, что чем больше рожениц ей удастся спасти, тем большего прощения она будет заслуживать за свое неправильное прошлое. А то, что она родила дочь от немца, пусть и антифашиста, для нее однозначно было неправильным. Она всегда, всю свою жизнь, боролась с двумя противоположными чувствами, которые то кидали ее в воспоминания о любовных объятиях Карла, то стыдили ее за то, что в период самой кровавой войны она фактически предавала советские идеалы,

пока ее многие сверстники погибали на фронтах. Лидия всю свою сложную и неоднозначную жизнь в свободное от работы и воспитания дочери время только и занималась самобичеванием. Она давно осудила себя самым высшим судом – судом своей совести. Ей казалось: вот еще одна спасенная жизнь, и душа будет прощена, но облегчение приходило ненадолго. Уже через сутки все возвращалось, и она, исступленно, не теряя при этом самообладания, изматывая себя работой, пыталась вымолить прощение у самой себя за тот юношеский или девичий порыв, когда гормоны подавили разум и, стыдливо прикрывая совесть нелепыми аргументами, заставили броситься в объятия человека, чья форма вызывала у нее ненависть. Когда Карл обнимал ее, в сознании Лиды происходило раздвоение. Но, видимо, молодость настолько несовершенна, что кидает человека в омут ошибочных событий, тем самым обрекая его на пожизненные угрызения совести. И никакие достижения и заслуги не способны выдернуть этого человека из лап самоуничтожения, которое порождается комплексом вины за содеянное. Лида все это понимала своим умом, но совладать с требованиями совести ей не удавалось.

Рядом стояло дерево рябины. Гроздь уже покраснели. Она любила это время года, когда жухлая трава на небольшой период времени покрывалась красными ягодами, опавшими с веток. Вот и сегодня неожиданно небольшая ветка обломилась, и гроздь рябины целиком упала ей на полы пальто. Взяв в руки ветку, Лида посмотрела на нее с грустью.

– Ты похожа на мою жизнь, – мысленно обратилась к ветке рябины, женщина, – созрела и упала, чтобы закончить свою жизнь, замерзнув под снегом! Так же, как вызревает и замерзает в душе любовь, или как тело погружается в морозильную камеру после своей смерти...

На этой фразе Лида себя прервала. Взяв ветку рябины, она продолжила свой путь домой, вновь предавшись воспоминаниям.

Ветка рябины напомнила Лиде, как вечером того дня, когда Алексей поговорил с группой, Карл пришел к ним в хозяйственную постройку, чего никогда не было, кроме того раза, когда он спрашивал, была ли дома девушка, когда произошел поджог склада. В его руках были две банки тушенки, буханка хлеба и веточка с ягодами рябины. Тушенку с хлебом он небрежно положил на самодельный стол, а ветку, подойдя к Лиде, быстро сунул в руку, после чего без слов вышел. Мать, увидев такую сцену, устроила девушке скандал.

– Это с чего вдруг этот фашист тебе такие подношения делает? – сквозь зубы, чтобы не было слышно за пределами хлипкого сарая, процедила она. – Ты что, с этим подонком роман крутишь?

После этого она ударила Лиду по спине серым полотенцем, которое держала в руках.

– Ты же комсомолка! – добавила мать. – Отвечай немедленно!

Лида растерялась. Нет, не от потока претензий матери, а от того, что Карл подарил ей ветку рябины. Она посчитала это символом того, что решение было принято и ее включили в группу. По ее мнению, красная рябина символично говорила о цвете флага, с которым бойцы шли в бой. Поэтому, как объяснить матери все то, что произошло, она не знала. Сказать правду Лида не могла, заранее понимая, как отреагирует мать. А быстро придумать какое-то более или менее приемлемое объяснение не получалось.

– Я не знаю, что тебе сказать! Я не понимаю, зачем он это сделал!

– Лидка, смотри мне в глаза! Я еще раз спрашиваю, что хочет от тебя этот ирод?!

– Да не знаю я! Отстань от меня! Ты что, хочешь, чтоб я придумала какую-нибудь глупость и тебе сказала?

– Нет! Глупость мне не нужна! – опешила мать. – Мне нужна правда!

– А правда такова, что я не знаю! – отрезала Лида и, резко замолчав, легла на топчан, служивший кроватью, лицом к стенке.

Мать демонстративно повздыхала, но было слышно, как она быстро пытается спрятать тушенку и хлеб в небольшой стог сена, который специально держала для обновления подстилки на лежаках.

Утром, когда солнце только-только стало озарять землю, Лида проснулась в приподнятом настроении. Чувство сопричастности к чему-то важному не покидало ее с самого вечера, когда она увидела Карла. Поднявшись с топчана, девушка тихонько вышла из сарая и направилась к горе, где надеялась встретить Алексея. Но, подходя к тому месту, где они разговаривали, Лида увидела Карла, сидящего на камне. При виде него у Лиды вновь появились эти два диаметрально противоположных чувства. Справившись со своими эмоциями, она подошла к немцу и, пристально посмотрев на него, спросила:

– Я правильно вчера поняла твою ветку рябины?

– Не знаю... наверно! – глядя ей в глаза, ответил Карл.

– Так меня берут в подпольщики? – переспросила Лида.

– Алексей сказал, что берут!

– А ты чего здесь делаешь?

– Тебя жду! – ответил Карл и опустил глаза.

– Зачем? – удивилась девушка, хотя этот ответ ей в душе нравился.

– Хочу с тобой поговорить!

– И, о чем же нам следует поговорить? – стараясь не останавливать диалог, спросила

Лида.

– Понимаешь, – начал немец, – ты очень похожа на мою маму в молодости. Я не понимаю, что со мной происходит, но кажется, я в тебя влюбился

Карл замолчал и посмотрел на стоящую рядом Лидию.

– Я понимаю, что ты кроме ненависти ничего ко мне не испытываешь! Но, поверь, я вполне искренне хочу вам помочь. И помощь моя в большей степени связана с тем, чтобы заслужить твое доверие!

– А зачем тебе мое доверие? – понимая, куда клонит Карл, спросила Лида.

Молодой немец, встав с камня, подошел к ней и, обняв ее, начал целовать. Лида оттолкнула его.

– Ты чего это?! – возмутилась она, пытаясь справиться с последствиями пронзившей ее молнии. Ноги подкосились, но Лида, начав поправлять волосы, постаралась справиться за это время с волнением, которое возникло после прикосновений Карла.

– Прости! Я с трудом справляюсь со своими эмоциями при виде тебя! – стал оправдываться Карл.

– Ты же понимаешь, что мы не можем вот так... быть вместе! – стараясь сохранить спокойствие, сказала Лида.

– Но почему?!

– Ты фашист, а я комсомолка! – констатировала девушка.

– Я антифашист! – поправил ее Карл.

– Для меня все, кто в такой форме, как у тебя, – фашисты! И с этим сложно бороться!

– Но я могу снять форму, и ты не будешь бороться! – выпалил Карл.

Лида посмотрела на немца испуганным взглядом. Он манил и притягивал ее. Но он был все же из тех, кто пришел на ее землю, кто убил ее отца, кто, в конце концов, выгнал их с мамой из дома, отчего им приходится ютиться теперь в бывшем свинарнике! Лида хотела все это высказать ему вслух, но вдруг откуда-то появился Алексей с еще одним парнем.

– Вы чего тут? – спросил он, обращаясь к Лиде.

– Да вот, встретились! – смутившись и опустив глаза, ответила она.

– Это Мирон! – указав на парня, стоявшего рядом с ним, произнес Алешка.

– Лида! – улыбнувшись, представилась девушка.

– Карл! – произнес немец и протянул руку Миرونу.

Молодой человек демонстративно убрал свои руки за спину. Карл кивнул и отошел на шаг назад.

– Ты собрался нам помочь, почему? – без предисловий начал Мирон.

Карл посмотрел по сторонам, а потом, переведя взгляд на стоящих перед ним Лиду и Алексея, сказал:

– Просто хочу, и все! А истинная мотивация пусть останется при мне! Если что-то не устраивает, разойдемся и на этом закончим!

Мирон подошел практически вплотную к немцу и сквозь зубы прошептал:

– Мне наплевать на твои истинные мотивы, мне важно знать, не выстрелишь ли ты в спину и не сдашь ли своим, когда мы начнем выполнять план!

– Не выстрелю и не сдам! – спокойно, не отводя взгляда, ответил Карл.

Такое самообладание импонировало Лидии. Она подошла к Миرونу и сказала:

– Давайте не будем выяснять отношения. Я тоже не в восторге от того, что придется ему довериться, но и без него ничего не получится! Поэтому отложим личную ненависть и желание поубивать друг друга на потом! Хотя, может, потом и не наступит...

Парни как один повернули головы в сторону Лиды, которая, развернувшись, пошла к городу.

– Ты куда? – крикнули они в один голос, включая и Карла.

– Вы все невротики! А с такими серьезными делами заниматься не стоит!

– Это еще почему? – удивился Мирон.

Лида развернулась и, посмотрев на ребят, сказала:

– Если вы планируете то, о чем два дня назад говорил Алешка, то такой настрой по отношению друг к другу приведет только к провалу! Или мы все отбрасываем свои эмоции и занимаемся делом, пытаюсь хоть как-то доверять друг другу, или не стоит и приступать! Радости от того, что нас расстреляют, ни у кого не будет!

Она посмотрела на парней, которые стояли как натянутая струна.

– И что ты предлагаешь? – спросил Мирон.

Лида вернулась обратно к молодым людям, которые стояли и смотрели на нее с какой-то надеждой.

– Пока не знаю! Но в первую очередь всем придется заключить перемирие и не воспринимать друг друга врагами!

– Легко сказать! – возмутился Мирон, – когда смотришь на его форму, как-то доверие исчезает!

Лида посмотрела на Карла и спросила:

– Как много у тебя свободного времени?

– В каком смысле? – удивился он.

– В прямом! Как долго ты можешь отсутствовать, чтобы твои этого не заметили?

– Нас сейчас доукомплектовывают и скоро отправят на фронт! Судя по обрывкам фраз, я понял, что ваши наступают, поэтому несколько дней, скорее всего, есть!

– Значит, за эти несколько дней мы обязаны взорвать эти склады, чтобы помочь нашим! – сказала Лида. И вновь спросила Карла: – Ты не ответил, сколько времени ты можешь отсутствовать, чтобы потом не объяснять своим начальникам, где был?

– Нас сейчас никто не контролирует! – ответил Карл и добавил: – Все руководство пытается сформировать смертников так, чтобы потом железный крест получить! Нам дали карт-бланш на все время, пока не поступит приказ отправляться на передовую!

– Это хорошо! – радостно произнесла Лида.

– И чем же? – удивился Алексей, который стоял и с интересом наблюдал за тем, как его подруга с легкостью приковала к себе внимание, словно командир, разъясняющий подчинен-

ным поставленную перед ними задачу. Он никогда не видел ее такой деятельной. Посмотрев на Мирона, он понял, что не ошибся. Парень смотрел на девушку заворожено.

– В нашем доме, в шкафу, висят вещи отца! – начала Лида. – Подбери себе обычную одежду и перенеси сюда! Когда будем встречаться, будешь переодеваться, чтобы не вызывать раздражение у присутствующих. Как только разработаем план и воплотим его в жизнь, а на это у нас остается всего два или три дня, можешь снова не снимать форму!

Алексей с Мироном смотрели на Лиду с неким удивлением.

– А ничего, что у него акцент остается? Может, ты придумаешь, как и его убрать? – с улыбкой спросил Мирон.

– А ты возьми и чего-нибудь лучше предложи! – возмутилась Лида. – Нам сейчас надо сосредоточиться на проработке того, как проникнуть к складу боеприпасов! А если вы часть времени будете тратить на подозрения и ненависть друг к другу, то мы ничего не сделаем!

– Она права! – согласился Лешка. – Когда он будет в гражданке, то не будем на его форму отвлекаться!

– Я согласен! – произнес Карл. – Сегодня вечером встречаемся здесь, на этом месте, и я расскажу, как можно проникнуть!

– Договорились! – с раздражением глядя на немца, произнес Мирон и пошел в сторону горы. Алексей поспешил за ним. Лида осталась наедине с Карлом.

– А ты и правда думаешь, что переодевание поможет?

– Не знаю! – честно сказала девушка. – Но я буду себя чувствовать спокойнее, это точно!

Карл посмотрел на нее и снова неожиданно поцеловал. На этот раз она не успела его оттолкнуть, потому что он резко развернулся и побежал к городу. Ужасное чувство счастья пронизало тело девушки. Притяжение и ненависть к этому немцу бередили душу. Лида посидела еще десять минут на камне и поспешила домой.

Вечером сквозь щель в досках она увидела, что Карл, прижимая к себе сверток, вышел со двора и тихо придержал калитку.

«Значит, не отказался от моего предложения!» – подумала Лида и срочно засобиралась на выход.

– Ты куда? – спросила мать.

– К Ирке, математикой позаниматься! – быстро нашлась Лида.

– А почему без тетрадок?

– Нам надо задачки порешать! Подготовиться к контрольной! У нее бумага есть!

– Ты точно к Ирке идешь? – заподозрив неладное, переспросила мать.

– Да, точно! – с раздражением ответила девушка и поспешила выйти.

Фигура Карла в темноте смотрелась очень подтянутой и притягательной. Лида тихо, чтобы не создавать ненужных шорохов, следовала за ним на приличном расстоянии, всячески стараясь не выдавать себя. Подойдя к месту назначенной встречи, она прижалась к валуну и стала наблюдать. Карл разделся, аккуратно сложил свою форму и стал натягивать отцовские брюки. Лида чихнула.

– Выходи! – крикнул немец. – Я знаю, что ты за мной наблюдаешь.

Девушка готова была от стыда провалиться сквозь землю. Но, собравшись и справившись с сердцебиением, вышла из-за камня.

– А ты неплохо сложен! – зачем-то произнесла она и тут же прикусила язык. Причем настолько сильно что, не сдержавшись, ойкнула.

– Ты чего?

– Язык прикусила! – пожаловалась Лида.

– Аккуратнее надо слюни подбирать! – пошутил Карл.

– Какие еще слюни? – с вызовом спросила она.

– Те, которые потекли, глядя на меня! – рассмеявшись, произнес немец.

Лида от возмущения и неловкости зарделась. Щеки светились и горели так, словно бы вместо солнца решили в сумерках озарить землю. Она подошла к Карлу и остановилась в трех метрах от него в надежде, что немец не заметит ее неестественно красное лицо, которое позорно выдавало чувства Лиды к этому парню. Карл улыбнулся.

– Чего скалишься? – спросила она с напускной грубостью.

– Прости, не понял, что я делаю? – неподдельно удивился он.

– Лыбишься чего? – повторила она.

– Прости еще раз, я не до конца понимаю некоторые твои выражения! Если можно, говори более простыми словами!

– Ладно! Забыли! – раздраженно ответила Лида и поспешила уточнить: – Одежда подошла?

– Ну, не совсем! Видимо, твой отец был толще меня раза в два! – нелепо пошутил Карл, чем вызвал возмущение девушки.

– Не тебе судить, каким был мой отец! Он был замечательный! А пришли такие как ты и убили его!

– Извини, я не хотел тебя обидеть и оскорбить память твоего отца! – постарался смягчить ситуацию Карл.

– Да ладно! Что уж теперь-то?! – махнув рукой и вытирая появившиеся слезы, произнесла Лида.

В этот момент появились Лешка с Мироном. Увидев слезы на щеках подруги, Алексей спросил:

– Он обидел тебя? Если что, я прямо здесь его задушу!

– Нет! Все нормально! Просто я увидела его в отцовской одежде, и воспоминания нахлынули!

– Ну, тогда ладно! А то смотри... За мной не заржавеет! – произнес Алексей, бросив злой взгляд в сторону Карла.

– Все, забыли! – вытерев глаза, произнесла Лида.

– Ты говорил, что расскажешь, как проникнуть на склад! – резко изменив тему, обратился Лешка к немцу, – Давай! Рассказывай!

Карл достал из внутреннего кармана своей уже аккуратно сложенной формы карту и разложил ее на земле.

– Вот дорога, – Карл, найдя взглядом сухую соломинку среди пожухшей травы, сорвал ее и ткнул в карту, – по которой нам предстоит доехать до первого блокпоста. Там стоят обычные солдаты. Унтер-офицер проверит наши документы и машину. После этого через два километра нас должны будут остановить уже эсэсовцы. Вот здесь начнутся проблемы. Нам придется проскочить не останавливаясь. Уже въехав на территорию склада, одному придется соскочить на ходу и направиться вот к этой точке. Там складированы противотанковые мины. Если взорвется этот склад, то все остальное взлетит на воздух само по себе.

Карл посмотрел на склонившихся над картой ребят.

– А как обратно? – спросил Мирон.

– Вот здесь, – продолжил Карл, – за тремя рядами колючей проволоки есть овраг. Его практически не охраняют.

– Почему? – спросила Лида.

– Он очень крутой, поэтому они уверены, что взобраться сложно! Вот и поставили три проволоки, считая, что этого достаточно. А там сразу лес, по которому сможем уйти.

– В целом план неплохой! – после небольшой паузы произнес Алексей. – Но где мы возьмем документы?

Все посмотрели на Карла.

– Документы будут у меня, а у вас пропуска, которые я позаимствую в нашей канцелярии. Там у меня знакомый работает. Я придумаю, как их заполучить!

– Так, а машина? – спросил Мирон.

– С ней должно все быть в порядке! Я скажу Паулю, что в соседней деревне у меня есть фройляйн, и попрошу машину. Он не откажет!

– Почему это ты так решил? – удивился Лешка.

– Он мне обязан! Я его однажды спас, поэтому напомним про должок!

– Когда на дело пойдём? – спросила Лида.

– Ты с нами не пойдешь! – категорично заявил Карл.

– Это еще почему?

– Потому что девушка в грузовике будет нелепо выглядеть! Сразу провалим задание!

– Он прав! – поддержал Карла Мирон. – Ты будешь нас дома ждать! А на следующий день встретимся опять все здесь!

Лида демонстративно надула губы, но была вынуждена согласиться с приведенными доводами.

– Завтра встречаемся, – продолжил Карл. – Я принесу все бумаги, и тогда определим день!

– Договорились! – согласно кивая головами, в один голос произнесли ребята.

Алексей с Мироном, не прощаясь, пошли в сторону города.

– Лидка, догоняй, пошли с нами! – повернув голову, крикнул Лешка.

– Нее! Я еще посижу, посмотрю закат! – ответила девушка.

– Ну, как знаешь! Не боишься с этим оставаться? – спросил Мирон, даже не поворачивая головы.

– Нет! Не боюсь!

– Ну и ладно! – согласно произнесли Лешка и ребята и, ускорив шаг, практически исчезли из поля зрения.

– А ты и правда не боишься меня? – глядя в глаза Лиды, спросил Карл.

– А чего тебя бояться-то? Ты ж меня убивать не собираешься? – она посмотрела в глаза Карлу.

– Нет! Я, наоборот, хочу что-нибудь сделать, чтоб ты была счастлива! – произнес Карл и потупил взгляд.

– Скажи, а почему ты не перейдешь на нашу сторону? Ведь и по-русски можешь разговаривать? Кстати, откуда ты так хорошо знаешь язык?

– Мои родители были эмигрантами! Поэтому русский был обязателен для общения у нас в семье!

– Белогвардейцы что ли? – спросила Лида.

– Нет! Они были купцы первой гильдии! Дед с отцом после того, как бежали от революции сначала во Францию, а затем в Германию, продолжали следить, что в России происходит. И когда пришел Гитлер, они, не задумываясь, вступили в коммунистическое движение. Вот такой парадокс вышел! Бежать от коммунистов, чтобы потом стать их яркими поклонниками! – Карл грустно улыбнулся.

– Да-а! Бывает же! – задумчиво произнесла Лида.

В этот момент Карл, обняв ее, начал целовать. Девушка хотела оттолкнуть немца, но состояние блаженства, которое разлилось по телу, не позволяло этого сделать. Она отдалась своему чувству целиком...

...Они лежали на пожухлой траве и смотрели в небо.

– Что же теперь будет? – шептала Лида.

– Ничего! Все будет хорошо! Я тебя люблю и после войны заберу, если останусь жив! Поедем или во Францию или, если Германия сохранится, вернемся в мой дом!

– А как же мама? Она не бросит свою страну, тем более что здесь погиб отец! А если она останется, то ее в лагерь сошлют!

– Что-нибудь придумаем! – произнес Карл и, обняв Лиду, закрыл глаза.

– Мне надо идти домой! – вывернувшись из объятий, произнесла девушка.

– Я тебя доведу! Не бойся!

– Нет! Мама не должна нас видеть вместе!

– Почему? – удивился Карл. – Хотя... ты права! Ведь я для нее фашист и захватчик!

Тогда иди, а я чуть позже!

Лида посмотрела на немца и, сама от себя не ожидая, поцеловала парня. Помахав ладонью и напомнив ему, что встреча группы состоится завтра, девушка со счастливым лицом побежала в сторону города...

Подходя к своему подъезду, Лидия заметила, как около него стоит ее внучка со своим сожителем. Нервозный вид молодежи мгновенно прервал воспоминания и перенес ее в сегодняшний день, когда ей придется принять неприятное и, как она полагала, позорное решение.

– Ну, где ты шляешься? – увидев Лидию Сергеевну, крикнула Маша. – Мы тебя уже битый час ждем!

– Во-первых, не «шляешься», а уж тогда «ходишь» могла бы сказать! – возмутилась женщина.

– Какая разница? – подпрыгивая на месте, спросила внучка.

Вид двадцатитрехлетней девушки, прыгающей на месте как ребенок, раздражал Лидию еще больше.

– Большая! Я тебе что, подружка, что ты так фамильярно со мной разговариваешь? Могла бы хоть из чувства уважения к возрасту слова подбирать!

– Да ладно, ба-а! Чего ты к словам-то придираешься?

Лидия не ответила, только, подойдя, так посмотрела на Машу, что та, прекратив прыгать, замерла на месте.

– Ты так на меня смотришь, словно я Гитлер во плоти!

– Лучше б ты Гитлером была! – ответила Лидия. – Не так обидно было бы!

– Нее, я больше на эту... ну, как там ее... Еву... Пистолет еще такой есть! А, вот... браунинг... похожа!

– Браун! – поправила ее Лида.

– Ну, пусть Браун! Какая, мне нафиг наплевать! – произнесла Маша.

– Да-а, яблоко от яблони недалеко упало! Даже не откатилось! – задумчиво произнесла Лидия Сергеевна и, открыв домофонным ключом дверь, прихрамывая, вошла в подъезд. Маша со своим альфонсом поспешили за ней. Поднявшись на третий этаж, они вошли в скромно обставленную квартиру. Конечно, по меркам Советского Союза ее квартира смотрелась богато! Но спустя много лет обстановка выглядела бедненько.

– Ну и что ты решила? – не дожидаясь, пока бабушка разделется, спросила Маша.

– Может, я могу вначале снять обувь и налить себе чай? – возмутилась Лида.

– Можешь, конечно! Но Вольдемару надо дать ответ, чем быстрее, тем лучше!

– Какой еще ответ? – удивилась Лидия Сергеевна, зло посмотрев на парня, стоявшего рядом с Машей.

– Ему предложили войти в бизнес! Поэтому нужен капитал! Вот мы и решили: продадим твою квартиру, а деньги вложим в этот бизнес!

Лидия достала из шкафа граненый стакан, наполнила на половину водой и поставила ветку с красными ягодами рябины.

– А жить-то ты, где собираешься? – спросила она Машу.

– Ну... Первый год снимать будем, а потом купим новую. Вольдемар считает, что через год у него неплохие барыши начнут капать!

– Скажи мне, а почему Вольдемар? – неожиданно сменив тему, спросила Лидия, глядя на внучку.

– Просто Владимир звучит не очень! – быстро, не задумываясь, ответила Маша.

– Ну, конечно, русское имя Владимир звучит хуже, чем немецкое Вольдемар! – продолжала настаивать Лидия.

– Красиво звучит! А какое оно там – немецкое или еще какое, неважно! – продолжала упорствовать внучка.

Лидия Сергеевна махнула рукой и пошла переодеваться в комнату.

– Ты чайник-то включить сможешь самостоятельно? – спросила она Машу, прикрывая дверь в комнату.

– Ой, можно подумать, что я безрукая! – раздраженно крикнула девушка и пошла на кухню.

Спустя пять минут Лидия Сергеевна в байковом халате вернулась и села за стол.

– Тебе чай покрепче или так?

– А так – этот как? – удивилась Лидия.

– Ну, типа, как... «моча молодого поросенка!» – со смехом ответила внучка.

– А ты пила такой, раз знаешь, как он выглядит? – решила съехидничать Лидия. Ее раздражал этот «мусорный» жаргон в виде глупых и нелепых фраз, которыми часто пользовалась Маша.

Девушка испепеляюще посмотрела на бабушку, но промолчала.

– Так что ты решила? – вернулась к своей теме Маша.

– Я пока ничего не решила! – ответила Лидия. – И вообще, тебе не кажется, что ты сейчас поступаешь подло?

– Почему это? – вытаращив глаза, удивилась внучка.

– Ну... хотя бы потому, что пытаешься выгнать меня из квартиры, которую мне давали, когда я еще работала и людей спасала. Ее давали мне и дочери, а тебя, если мне память не изменяет, еще и в проекте не было!

– Ты правильно сказала: давали тебе и дочери! – вызывающе ответила Маша. – А я ее наследница! Поэтому часть этой квартиры принадлежит и мне! Но разменять ее на две, хотя бы однокомнатные, не получится, а значит, либо мы с Вольдемаром живем здесь, либо ты уезжаешь туда, где нас не будет! Решай сама! И вообще... Когда тебе давали эту квартиру, то не знали, что ты родила дочь от фашиста! Жаль, что теперь это никак не использовать, а то я бы получила ее без всяких уговоров! Обидно, что времена изменились!

Лидия смотрела на свою внучку и не могла поверить, что такое ничтожество носит в себе ее гены. Душа от обиды металась внутри тела так, что, казалось, вот сейчас она вырвется наружу и случится то, о чем Лидия мечтает уже несколько месяцев. Просто умереть! Но, видимо, было не время... И ей, человеку, который за всю свою жизнь принял родов столько, что можно было заселить целый среднестатистический город, под конец жизни придется пройти через это унижение, коим она считала переезд в дом престарелых. Конечно, Лидия для себя уже все решила! Она понимала, что переезд неизбежен, но где-то в глубине души надеялась на проявление хоть какой-то человечности со стороны внучки. Лидии Сергеевне казалось, что все равно в ней живет этот здравый смысл, который не позволит так поступить. Но, видимо, она ошибалась!

– Хорошо! Я сделаю, как ты хочешь! Но скажи, а как ты дальше с этим жить-то будешь? Ты уверена, что Бог тебя не накажет?

– Ой!.. Много тебе твой бог помог? – ехидно спросила Маша. – Если бы он был, то, наверно, ты не согласилась бы с моим желанием! А раз согласилась, то никакой бог тебе

не помогает! Да и кто про него вдруг заговорил-то? Коммунистка и материалистка?! Ну ты меня насмешила!

– Что ж, смейся, пока смеется! Только не забывай: смеется тот, кто смеется последним!

– Ладно, ба! Хватит мне свои нотации читать! Ты когда соберешься и будешь готова?

– Как я понимаю, ты бы меня уже сегодня вывезла?! – обиженно поинтересовалась

Лидия.

– А что, ты сегодня готова освободить квартиру? – радостно воскликнула внучка.

Лидия посмотрела в ее сияющие глаза, потом перевела взгляд на ее сожителя.

– Тебе аукнутся твои делишки! Запомни мои слова! – обратилась она к Вольдемару.

– А я-то чего! Это она хочет богато жить! – указывая на Машу, начал оправдываться молодой человек. – Мне этот бизнес по барабану!

– Чего это только мне?! – возмутилась Маша. – Ты же сам говорил, что надо через неделю дать ответ!

– Ну, говорил! И что?..

– Короче, ты когда собираешься переехать? – переведя взгляд на Лидию, спросила Маша.

Лидия Сергеевна еще раз с грустью посмотрела на молодых людей и сказала:

– Вот через неделю и перееду! Надо свои вещи собрать!

– Отлично! – радостно произнесла Маша. – Через неделю мы заедем и поможем тебе сумки довести! А пока съездим и договоримся, чтоб тебя туда взяли!

– Ну да... ну... да, – пытаюсь справиться с обидой и безысходностью, протяжно сказала Лидия.

– Ладно, Волик, поехали договариваться, пока она не передумала! – обратившись к своему молодому человеку, сказала Маша и пошла к входной двери.

Вольдемар кивнул головой, всем своим нелепым видом показывая миролюбивость, и поспешил за девушкой. Через минуту, даже не попрощавшись, молодые люди, хлопнув дверью, вышли из квартиры. Лидия осталась одна. Слезы наворачивались. Сердце билось с такой скоростью, что можно было вырабатывать электричество.

– И откуда в ней столько жестокости? – мысленно рассуждая, удивлялась Лидия. – Неужели немецкие гены так проявились? Хотя... Какие же они немецкие? Ведь Карл был из русской купеческой семьи, эмигрировавшей после революции! А значит, это просто ошибка природы! Видимо, и правда, Бог от меня отвернулся, раз так «подшутил» еще с молодых лет! Сначала заставил влюбиться не в того, в кого следовало бы, а потом вот такую поросль произвести на свет, где чувство сострадания и жалости просто не заложено изначально, с момента зачатия!

Лидия, прихлебывая уже порядком остывший чай, бросила короткий взгляд на ветку рябины, стоявшую в стакане на холодильнике, и не заметно для себя вновь предалась воспоминаниям.

...На следующий день ребята снова собрались. Карл задерживался.

– Не верю я этому фашисту! – произнес Мирон.

– Он антифашист! – вступилась за немца Лида. – Был бы натуральный фашист, уже давно бы нас всех сдал!

– И то правда! – согласился Алешка.

– А чего это вы так его защищаете? – с подозрением в голосе спросил Мирон.

– Мы не защищаем, – возмутилась Лида, – а просто стараемся быть объективными!

– Ну, конечно, вы все объективны, а я нет! – продолжал упорствовать Мирон.

В этот самый момент появился запыхавшийся Карл.

– Ты чего опаздываешь? – спросил Лешка.

– У меня две новости для вас!

– Надеюсь, хорошие? – прищурился, спросил Мирон.

– Нет! Одна будет плохая! С нее и начну! Нас через два дня отправляют на фронт. Ваши наступают так стремительно, что принято решение, не дожидаясь полного укомплектования наших войск, бросить их сразу под ваши танки. А значит, я могу вам помочь, крайний срок завтра или сегодня ночью.

Ребята посмотрели друг на друга, после чего как по команде перевели свой взгляд на Карла.

– А какая другая новость? – спросила Лида.

– Я подготовил все необходимые бумаги! По ним мы сможем приблизиться к складу на минимальное расстояние. Но надо помнить, что сегодня-завтра эти склады начнут вскрывать. Поэтому, чтобы их взорвать, самое подходящее время – сегодняшняя ночь. Я подозреваю, что уже завтра ночью с этих складов начнут выдавать боеприпасы тем частям, которые отправятся сдерживать ваше наступление. Я предлагаю пойти сегодня в час пополудни.

– Это еще почему? – спросил Мирон, которому явно не нравился Карл и все, что он предлагал, казалось обыкновенной подставой.

– Потому что в полночь меняют пароль! Я должен его узнать, или мы не сможем проехать даже первый пост!

– Ну, тогда понятно! Это аргумент! – несколько расслабившись, согласился Мирон.

Карл достал из внутреннего кармана документы.

– Это временные удостоверения и одноразовые пропуска. В рюкзаке форма. Машину я подгоню на окраину города и поставлю вон там! – Карл указал пальцем на место, где от дороги начиналась тропа, по которой ребята приходили на место сбора.

– Но нам же потом придется ехать почти через весь город? – удивился Алексей.

– Да! Но если поставить машину ближе к дороге, по которой мы будем въезжать в лес, то там стоит много частей и постоянно снуют солдаты. Будет не совсем правильно светиться ночью! А так мы будем ехать, и на нас мало кто обратит внимание, потому что сейчас начнется движение по ночам, и наша машина не вызовет вопросов! Понятно?!

– Наверно, ты прав, – с некоторым сомнением в голосе согласился Мирон.

– А мне что делать? – спросила Лида, понимая, что ее никто не берет в расчет.

– Ты сиди дома и не высовывайся! – сморщив сердито лоб, бросил Алексей.

– Он прав! – согласился Мирон. – Девчонка вызовет подозрение!

– Я могу пригнуться и спрятаться в кабине, в ногах! – настаивала Лида.

– Это вопрос решенный и обсуждению не подлежит! Ты остаешься дома! – еще раз в категорической форме сказал Алешка и так посмотрел на Лиду, что она поежилась.

– Ладно! Ладно! Я поняла! Не сверли меня глазами!

– Я и не сверлю! – ответил Алексей и отвел взгляд.

– Ну, что, я все вам передал, встречаемся около часа ночи! – сказал Карл и, развернувшись, пошел в сторону города. – Мне нельзя сегодня надолго исчезать! – бросил он, не поворачивая головы, и ускорил шаг.

Ребята рассматривали свои бумажки, в которых, к сожалению, ничего не могли понять, так все было написано на немецком языке.

– А что тут написано-то? – обращаясь ко всем, спросил Алексей.

– А вон, пусть Лидка переведет, она в немецком сечет! – махнув головой в сторону девушки, произнес Мирон, распаковывая рюкзак и вытаскивая форму.

– Сами переводите, коль такие самостоятельные, а я пошла домой! – обиженно произнесла Лида и стала подниматься с земли, на которой сидела.

– Стоять! – приказал Алексей. – А вдруг тут донос так красиво оформлен, и как только мы подадим эти бумажки, нас сразу застрелят?! Ты хочешь, чтоб нас убили?

Лида на мгновение замерла. Такой поворот событий она даже не рассматривала.

– Дай сюда! – резко сказала она.

Алексей передал ей бумаги, принесенные Карлом. Лида быстро пробежала их глазами и произнесла:

– Не все поняла, но главное, тут указано имя и разрешен проезд на охраняемую территорию. Кстати, в твоей бумаге написано, что тебя зовут Ганс! – возвращая бумаги Алексею, девушка рассмеялась.

– И чего ржешь? Ну, ночку Гансом побуду, ничего страшного! Зато потом буду гордиться, что Алексей-Ганс взорвал склад боеприпасов и тем самым помог нашим войскам наступать!

– Конечно, Алексей-Ганс будет героем, а я так... бумажку лишь перевела! И все? Я тоже хочу помочь нашим! – обиженно сказала Лида.

– Не переживай! И тебе найдется, чем потом заняться и как этим фашистам отомстить! – успокоил ее Мирон.

– Ладно! Хватит лирики! Сегодня нельзя расслабляться! Давай отнесем вещи в грот, – обратился Алексей к Мирону, – а потом в полночь соберемся и, переодевшись уже, к часу подойдем к машине! Кстати, надо наших предупредить!

– А на них же нет никаких бумаг? – опомнился Мирон и вопросительно посмотрел на Алексея.

– Да! Но зачем-то форму немец принес и на них! – указав пальцем на рюкзаки, сказал Алешка. А, раз так, значит, им никакие бумаги не нужны! Немец, наверно, знает, что делает.

– Ладно! Решим по ходу! – согласился Мирон и, подхватив рюкзаки, направился в сторону горы. – Пока! – крикнул он Лиде.

Алексей, махнув девушке рукой, поспешил за приятелем. Лида, постояв какое-то время в растерянности и с трудом сдержав возмущение, развернулась и пошла в сторону города. Она неплохо знала окрестности и поэтому решила для себя, что ночью, втихаря, проберется поближе к складу. Тем более, как пройти через лес и оказаться там, откуда ребята будут уходить с территории, на которой склад был расположен, Лида хорошо знала. Склады вооружения фашисты разместили на территории пионерского лагеря, в котором она отдыхала до войны три года подряд.

Придя домой, она постаралась незаметно пробраться в свой дом и найти кусачки, которые были у отца и хранились в чулане. Немцев не было, и Лида без труда, не тратя лишних минут на поиски, совершила «налет» на собственный дом. Спрятав кусачки под кофтой, она вбежала в сарай, в котором они теперь проживали. До полуночи еще было много времени. Лида взяла книгу и стала читать. Спустя час пришла мать.

– Ты чего сидишь и читаешь? – раздраженно спросила она.

– А чего мне делать-то? – удивилась Лида.

– Уроки учить!

– Я сегодня пойду к Полине! Будем готовиться к контрольной! – сообщила Лида.

– Какие могут быть контрольные? Фашисты кругом! – удивилась мать. – Кто ваши контрольные будет проверять?!

– Сегодня Анна Михайловна сказала, что все учителя сошлись в том, что контрольную засчитают как выпускной экзамен! И на этом обучение прекратят!

– Как прекратят? – возмутилась мать. – А что потом?

– Не знаю! – с каким-то безразличием сказала Лида и снова уткнулась в книгу.

Мать постояла еще некоторое время и вышла из сарая. Лида еще и еще раз мысленно проходила путь, который ей предстоял. Через час мать легла спать. Не дожидаясь полуночи, девушка взяла кусачки и тихо вышла из временного жилья, в котором они с мамой оказались после заселения фашистов в их дом.

Темень была непроглядная. Но Лида помнила дорогу очень хорошо. Поэтому, минуя людные пространства, она добралась до леса. Стараясь идти как можно тише, девушка, прижимаясь к кустам, которые росли вдоль разбитой грузовыми машинами проселочной дороги, начала движение в сторону хорошо знакомого ей пионерского лагеря. Несколько раз ей приходилось падать на землю, скрываясь за кустами, так как появлялись огни мотоциклов. Но спустя час она подошла к оврагу, куда должны были выбегать ребята после подрыва складов. Периодический лай собак и немецкая речь пугали Лиду, но она решила подготовить отход своих друзей, поэтому ползком начала подниматься к колючему заграждению, которое препятствовало проникновению на территорию бывшего пионерского лагеря, переоборудованного фашистами под склад. Приблизившись к проволоке, она попыталась понять, сколько сейчас времени. Ребята должны были встретиться в час ночи. До лагеря на машине ехать было пятнадцать минут.

«Ну, пускай они задержались минут на десять, – подумала девушка, – где же машина? Неужели они все изменили?»

Нехорошие мысли лезли сами в голову. Вдруг территория лагеря осветилась прожекторами и послышались автоматные очереди. Где-то вдалеке прогремел первый взрыв, от которого земля содрогнулась так, что тело Лиды подбросило.

«Началось!» – только и подумала она. Вытащив кусачки из-под кофты, она стала перекусывать проволоку. Прозвучал второй взрыв, после которого последовал третий.

– Вот вам! – ликовала в душе Лида.

Вдали она увидела знакомую фигуру Лешки, который бежал к оврагу. Она пыталась как можно быстрее освободить проход. Но проволока была толстая, а у Лиды было не так много сил, чтобы одним разом ее перекусывать. Но, тем не менее, несколько металлических нитей ей повредить удалось. Неожиданно рядом с девушкой пролетели автоматные пули. Стреляли в спину бегущим ребятам. Она хотела крикнуть им, чтобы указать направление, куда бежать. Но только она открыла рот, как кто-то сзади навалился на нее и стал оттащить вниз, в овраг. С испуга Лида закрыла глаза и практически попрощалась с жизнью. На слух она поняла, что кто-то стреляет сзади нее.

– Не бойся, дочка! – услышала Лида чей-то негромкий голос.

Мужчина говорил на русском языке.

«Значит, свой!» – только и смогла подумать она. В ту же самую минуту они покатались вниз, в овраг.

Лида открыла глаза в тот момент, когда ее стали тормошить и поторапливать.

– Вставай быстрее! Бежим!

Девушка уже ничего не могла понять, поэтому подчинилась мужчине, на котором был армейский дождевик. Боковым зрением она увидела, что вокруг нее находится много человек, которые стреляют в сторону пионерского лагеря. Тот, кто оттащил ее от колючей проволоки, крепко держал за руку и тянул в лес. Отбежав несколько метров, Лида заметила среди деревьев подводы. Оглянувшись, она увидела, как около полусотни человек, отстреливаясь, тоже бежали к этим подводам. От перенесенного стресса она потеряла сознание. Очнувшись Лида внутри какой-то скалы. Оглядевшись, она увидела, что лежит на подводе в лесу, а вокруг между костров снует множество мужчин в советском обмундировании. Кто-то подошел к ней и спросил:

– Ну что, очухалась, бедолага?

Лида повернула голову в сторону, откуда прозвучал голос. Перед ней стоял дядька лет пятидесяти.

– Вы кто? – слабым голосом спросила девушка, пытаясь встать.

– Лучше ты скажи, кто есть и чего делала у немецких складов? – серьезным голосом спросил дядька.

– Я не знаю, кто вы, поэтому ничего не скажу! – категорично ответила Лида.

– Ну, допустим, мы партизаны! А вот теперь и ты скажи, кто есть? – улыбаясь и приглаживая усы, спросил еще раз дядька.

Лида растерялась. Лешка говорил, что в Крыму есть партизаны, и даже хотел найти их. Но чтобы так легко к ним попасть, никто даже не мог и мечтать.

– Где Лешка? Вы его тоже спасли?! – опомнилась она.

– Какой такой Лешка? Еще и Лешка был? – насторожился мужичок.

– Не только! Там были ребята из нашего подполья и Карл!

– Какое подполье? Какой Карл? – насупился дядька.

– Ну, немец, который сделал пропуска и документы, чтобы на склад проникнуть! – чуя неладное, скороговоркой проговорила Лида.

– Так, дочка! Ты посиди и никуда не лезь! Я сейчас пойду все узнаю, а потом с тобой продолжим разговор! Хорошо?

– Угу! – только и смогла выдавить из себя девушка. Сердце заколотилась. «А вдруг они не смогли убежать?» – подумала она.

Осмотревшись по сторонам, Лида поняла, что находится в лесу. Только насколько далеко от пионерского лагеря, оценить было невозможно. Сидя на телеге, на которой ее, видимо, и привезли, она пыталась понять, действительно ли это партизаны. По обрывкам разговоров девушка поняла, что все эти люди обсуждают события, произошедшие сегодня ночью. Кто-то сидел возле костра, кто-то обтирал лошадей, а где-то вдали среди деревьев, благодаря отблеску языков пламени, она увидела красный крест, нарисованный на белом флажке.

– Значит, и правда партизаны! – решила Лида, и настроение немного улучшилось. Напряжение отпустило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.